

А. И. Введенский

**Общественное самосознание
в Русской литературе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. И. Введенский**
Общественное самосознание в Русской литературе / А. И. Введенский – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 312 с.

ISBN 978-5-517-97909-4

ISBN 978-5-517-97909-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга эта назначается для того обширнаго круга читателей, которые знакомы съ главнѣйшими произведеніями русской художественной литературы, но мало знакомы съ критикой, а также для людей, начинающихъ знакомиться съ литературой. Сообразно съ этимъ очерки постепенно, въ известной послѣдовательности вводятъ читателя въ кругъ понятій и представленій, объясняющихъ великое значеніе литературы для личной и общественной жизни человѣка.

Помѣщая въ книгѣ только статьи, уже появлявшіяся въ періодической печати въ 1889—1894 годахъ, авторъ не можетъ не признать неполноту ея: она посвящена только однимъ геніальнѣйшимъ представителямъ русской литературы, при чемъ изъ произведеній гр. Л. Толстого охарактеризована только „Смерть Ивана Ильича“. Продолженіе начатаго дѣла авторъ оставляетъ будущему.

Авторъ смотритъ на великія литературныя произведенія какъ на *необходимыя* явленія умственной жизни даннаго общества или народа, подчиненныя точно опредѣленнымъ,

хотя и трудно опредѣляемымъ законамъ. Въ своей совокупности, составляя литературу общества или народа, они представляютъ картину послѣдовательнаго роста его общественнаго самосознанія. Съ этой именно точки зрѣнія разсматриваются въ книгѣ великія произведенія русской литературы, и въ этомъ -- объясненіе и оправданіе принятаго для нея заглавія.

Авторъ.

ЛУШКИНЪ. ГРИБОВЪДОВЪ. ЛЕРМОНТОВЪ.

КОЛЬЦОВЪ. ГОГОЛЬ. ТУРГЕНЕВЪ.

ДОСТОЕВСКІЙ. Л. ТОЛСТОЙ.

А. С. ПУШКИНЪ.

Имя Александра Сергѣевича Пушкина — самое великое имя въ исторіи русской поэзіи. „Солнце русской поэзіи!“ — сказано было о немъ въ одномъ изъ некрологовъ, вызванныхъ его безвременною кончиною.

Былъ моментъ въ исторіи русскаго развитія, когда, вмѣстѣ съ сомнѣніемъ въ пользѣ и значеніи поэзіи вообще, имя Пушкина пытались принизить, умалить величіе его заслугъ передъ русскимъ обществомъ. Но это не помѣшало славы его расти, а произведеніямъ его совершать въ обществѣ свое благотворное дѣло. Знаменитые русскіе писатели, Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій, открыто признавали себя учениками Пушкина, продолжателями начатаго имъ дѣла, и когда представители русской литературы сошлись въ древней столицѣ торжественно почтить заслуги величайшаго поэта нашего передъ воздвигнутымъ ему памятникомъ, люди всѣхъ направленій и стремленій слились въ одномъ чувствѣ преклоненія передъ его памятью.

Въ чемъ же состоитъ великое дѣло Пушкина, создавшее ему всеобщее признаніе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ разъясненіи той роли, которую играетъ поэзія въ умственной и нравственной жизни людей.

Велико и могущественно и въ высокой степени благотворно вліяніе поэтическихъ произведеній на человѣка. Личная жизнь его, та повседневная жизнь, которая обуслов-

лена первыми потребностями его существованія, въ большинствѣ случаевъ стремится принизить его духовную природу, ограничить ее тѣсными предѣлами. Среди ежедневныхъ однообразныхъ дѣлъ, чувствъ и мыслей, упрямо и неизбѣжно повторяющихся, проходитъ обыкновенная жизнь человѣка: купецъ считаетъ свои барыши и преисполненъ заботой о нихъ, чиновникъ сочиняетъ свои сухія, далекія отъ дѣйствительной жизни бумаги, и т. д., придавая каждый своему дѣлу преувеличенное значеніе, и отдавая свой досугъ столь же однообразнымъ развлеченіямъ. Въ этой однообразной жизни образуются умственные и нравственные привычки, потребность упражнять только извѣстныя чувства, испытывать однообразно направленные настроенія, на подобіе того, какъ человѣкъ, привыкшій къ ходьбѣ, не можетъ выносить спокойнаго пребыванія дома и будетъ стремиться идти. Изъ богатой человѣческой природы, способной къ безконечно разнообразнымъ душевнымъ движеніямъ и мыслямъ, лишь ничтожно малая часть нравственныхъ и умственныхъ сторонъ находитъ примѣненіе и развивается въ личной, въ тѣсномъ смыслѣ, жизни, особенно у современнаго человѣка, а остальное, не упражняемое и не развиваемое, слабѣетъ, блекнетъ въ немъ, атрофируется въ большей или меньшей степени, какъ нерабочія руки отвыкаютъ отъ работы. Человѣкъ становится узокъ и односторонень, теряетъ способность понимать необычныя для него чувства и мысли другихъ людей, живущихъ иначе, подъ другими условіями и впечатлѣніями.

Узкая, односторонняя жизнь ума и чувства кладетъ на человѣка свою неотразимую печать съ такою силою, что люди одинаковыхъ занятій, раздѣленные огромными пространствами и казалось бы ничего общаго между собою не имѣющіе, становятся удивительно похожими другъ на друга по нравственному и умственному складу, образуютъ одинъ *типъ*; а съ другой стороны, люди, живущіе рядомъ, но подъ вліяніемъ различныхъ условій жизни, становятся совершенно различны, до непониманія другъ друга. Такъ, чиновникъ крайняго Сѣвера русскаго носитъ на себѣ тѣ же типическія черты, что и чиновникъ крайняго Юга, въ то время какъ, напр., купецъ и

чиновникъ, живущіе въ своей тѣсной средѣ, въ любомъ русскомъ городѣ рѣзко отличаются другъ отъ друга.

Неудержимо возникаетъ, вслѣдствіе односторонней жизни ума и чувства, раздѣленіе людей на группы, чуждыя другъ другу, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣваютъ гуманныя отношенія между людьми.

Художественная литература, поэзія, является однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій, которыми устраняются узость и бѣдность личной душевной жизни. Читая поэтическія произведенія, человекъ рѣзко, сразу выступаетъ изъ тѣсной сферы чувствъ и мыслей своего ограниченнаго существованія; поэтъ развертываетъ передъ нимъ роскошный и безконечный міръ новыхъ для него чувствъ и мыслей, заставляя его самого переживать ихъ съ такою силою, какъ будто бы онъ самъ тотъ „герой“ произведенія, о которомъ повѣствуетъ авторъ. Поэтъ не безразлично относится къ изображаемымъ имъ явленіямъ жизни, и его негодованіе на зло и влеченіе къ добру сообщается и читателю, воспитывая въ немъ гражданина и человека, искореняя въ немъ „къ добру и злу постыдное равнодушіе“. Въ то же время поэтъ даетъ читателю богатый опытъ жизненный, открывая ему разнообразный міръ душевной жизни людей, знакомя съ ихъ страстями, слабостями—и съ внутренней духовной красотой, присущей каждому человеку и только поражаемой духовными болѣзнями. Такимъ образомъ искусство многообразными способами объединяетъ людей, дѣлая ихъ болѣе способными понимать другъ друга и заставляя испытывать одни и тѣ же чувства. Отъ края и до края обширной страны, говорящей языкомъ поэта, разносятся его мысли и чувства, соединяя людей въ общихъ понятіяхъ и стремленіяхъ.

Очевидно изъ сказаннаго выше, что поэтъ будетъ тѣмъ значительнѣе и дѣло его тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ отзывчивѣе его природа, чѣмъ онъ разностороннѣе въ чувствахъ и мысляхъ, чѣмъ, слѣдовательно, менѣе способенъ онъ подчиниться однимъ только временнымъ увлеченіямъ, которыя такъ часто затемняютъ чувство истины, и остаются свободнымъ и независимымъ созерцателемъ жизни.

Таковъ именно и есть Пушкинъ. Къ нему съ полнымъ правомъ могутъ быть примѣнены слова, сказанныя о Гёте другимъ русскимъ поэтомъ:

„Съ природою одною онъ жизнью дышалъ,
 „Ручья разумѣлъ лепетанье,
 „И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
 „И чувствовалъ травъ прозябанье;
 „Была ему звѣздная книга ясна,
 „И съ нимъ говорила морская волна“...

Воспринявъ многообразныя впечатлѣнія въ своей тревожной и разнообразной жизни, Пушкинъ на все отзывался, что просить отъ сердца отвѣта, и его произведенія неизмѣримо богаты тѣмъ, что онъ самъ назвалъ „впечатлѣніями бытія“. Читатель находитъ въ нихъ и чарующія картины южной природы, и горныя впечатлѣнія Кавказа, и Сѣверъ встаетъ въ нихъ передъ глазами читателя съ своею простою и суровою красотою. И жизнь людей съ неменьшею полнотою и ясностью развертывается передъ читателемъ, отъ жизни великаго царя, полнаго великими думами, до жизни хвастливаго „гусара“, рассказывающаго свои фантастическія похождения.

Эта великая содержательность произведеній Пушкина, сама по себѣ уже цѣнная, пріобрѣтаетъ исключительное значеніе при необыкновенномъ, не имѣющемъ другого примѣра въ русской литературѣ, чувствѣ истины, правды, составляющей душу поэзіи великаго поэта нашего. Пушкинъ изображаетъ и прирону, и людей съ полнѣйшею, неподкупнѣйшею объективностью, говоря старымъ терминомъ,—такъ, какъ они есть въ дѣйствительности, съ малѣйшими, имѣющими значеніе, оттѣнками. Въ души людей Пушкинъ заглядывалъ такъ глубоко, что отъ его умственныхъ очей не ускользало никакое душевное движеніе. Въ изображаемыхъ людяхъ Пушкинъ, по самой своей поэтической натурѣ, не видѣлъ и не могъ видѣть ни враговъ, ни друзей, ни, наконецъ, безразличныхъ, недостойныхъ поэтическаго вниманія, существъ; онъ видѣлъ въ нихъ только равно достойныя изученія творенія Божія и изображалъ ихъ со всею правдою проницательнаго наблюдателя,

не испытывая никаких побуждений къ пристрастному или одностороннему воззрѣнію на нихъ.

Великое чувство правды, одушевлявшее Пушкина, отразилось и въ его неподражаемомъ языкѣ. Оно подсказывало ему, какими именно словами выражается наиболѣе точно и ясно его мысль, и послушный ему, глубоко постигнутый имъ, русскій языкъ былъ точнымъ орудіемъ въ его рукахъ, какъ послушна кисть великому и опытному художнику-живописцу. Ни до, ни послѣ Пушкина въ русской литературѣ не было писателя, который былъ бы такъ необычайно правдивъ въ своихъ изображеніяхъ и такъ правдивъ и простъ въ языкѣ. Недаромъ лучшіе писатели Русской земли считали Пушкина своимъ великимъ учителемъ, недосыгаемымъ образцомъ. На произведенія Пушкина можно учиться смотрѣть на явленія природы и жизни съ простотою и правдою, т.-е. истинно-человѣческимъ образомъ.

Характеристика Пушкина, сдѣланная въ предшествующихъ строкахъ, была бы, однако, слишкомъ не полна безъ выясненія исторической роли, историческаго значенія его. Дѣло въ томъ, что Пушкинъ былъ первый въ русской литературѣ, показавшій своими произведеніями, чѣмъ можетъ быть поэзія, какія колоссальныя перспективы добра и пользы для общественнаго развитія заключаются въ ней. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ на поэзію смотрѣли у насъ какъ на „благородное“, но въ сущности не важное для автора и для читателей его дѣло, какъ на развлеченіе, на „плоды досуга“. И поэзія какъ будто приноровляясь къ воззрѣніямъ времени, на самомъ дѣлѣ была въ большинствѣ случаевъ тѣмъ, чего въ ней искали, состоя изъ одъ на разные торжественные случаи, на „тезоименитства“, на обѣды, по случаю побѣдъ и т. п.; въ этомъ видѣли прославленіе русскаго имени и русскихъ людей. Вліяніе развитыхъ европейскихъ литературъ постепенно измѣняло этотъ взглядъ, и русская поэзія мало-по-малу становилась содержательнѣе и цѣннѣе. Карамзинъ и Жуковский до Пушкина обнаружили глубокое вліяніе на содержаніе литературы, но ихъ произведенія были подражаніями и „сочиненіями“, не были воспроизведеніями жизни и духа рус-

скаго. Фальшивая „чувствительность“, сентиментализмъ, была далека отъ истиннаго чувства, и, естественно, не могла дать представленія объ истинной поэзіи, не могла стать дѣйствительнымъ и энергичнымъ источникомъ поученія и истиннаго, гуманнаго развитія читателей. И вотъ, еще при нихъ, появляется Пушкинъ со своею поэзіею, полною правды и жизни. Понятенъ тотъ энтузіазмъ, то удивленіе и восхищеніе, съ которыми современники встрѣтили это необыкновенное явленіе, и повныѣ остающееся необыкновеннымъ, хотя оно уже привычно для насъ.

Русскій душою человекъ, Пушкинъ въ самомъ началѣ своей дѣятельности, однако, не могъ избѣжать вліянія европейскихъ литературъ, подобно Карамзину и Жуковскому. Но съ постепеннымъ ростомъ своего великаго дарованія, онъ освободился отъ этого вліянія. Начавъ съ изображенія героевъ, чуждыхъ русскому складу ума и чувства, героевъ байроновскихъ, онъ постепенно оставлялъ ихъ; его идеалы становились проще и человѣчнѣе. Отъ „Кавказскаго плѣнника“ и Алеко (въ „Цыганахъ“) онъ обращается къ простымъ русскимъ картинамъ быта, и въ цѣломъ рядѣ произведеній, особенно въ „Капитанской дочкѣ“, становится выразителемъ чисто русскаго духа и характера.

Въ то же время, характернѣйшею его чертою можно признать то, что онъ обладалъ великою духовною поэтическою проникательностью, ставившею его выше узкой національности. Оставаясь вполне русскимъ умомъ, онъ изображалъ явленія чуждыхъ странъ и людей съ такою же полнотою и естественностью, какъ будто бы самъ не былъ русскимъ, а принадлежалъ къ тому народу, представителя которой бралъ героемъ своего произведенія. Въ этомъ, быть можетъ, сказалась черта, общая всему русскому народу, обладающему удивительною способностью понимать души другихъ народовъ.

„Великъ подвигъ Пушкина!“—въ энтузіазмѣ воскликнулъ знаменитѣйшій русскій критикъ Бѣлинскій.